

Полученные индивидуальные и средние числовые данные у студентов 3 курса показывают, что за истекший период обучения за счет регулярных занятий физическими упражнениями показатели функциональной подготовленности ССС улучшились.

Неудовлетворительной оценки уровня функциональной подготовленности ССС у студентов как в начале учебного года, так и в конце не выявилось. Удовлетворительную оценку в первом семестре получили 40 % студентов, а во втором — 20 %. Показатель вырос на 20 %. Посредственный показатель оценки уровня функциональной подготовленности ССС в первом семестре составил 46 %, а во втором на 6 % больше — 52 %. Хороший уровень функциональной подготовленности ССС вырос на 4 % — с 14 до 18 %. И высокая оценка в первом семестре не была зарегистрирована у учащихся, а во втором была у 10 % студентов. Прирост составил 10 %.

На основании вышеизложенных показателей уровня функциональной подготовленности ССС у студентов 3 курса в начале и в конце 2017–2018 учебного года можно сделать следующие **выводы**:

— невысокий уровень показателей функциональной подготовленности ССС говорит о недостаточной двигательной активности студентов в начале учебного года;

— регулярные занятия студентов физической культурой в течение учебного года повышают показатели уровня функциональной подготовленности ССС;

— проведя анализ показателей уровня функциональной подготовленности ССС, можно подобрать оптимальный объем и интенсивность физических нагрузок на занятиях по физической культуре для дальнейшего роста результатов и повышения уровня подготовленности ССС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Спортивная медицина: учеб. пособие / под ред. В. А. Епифанова. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006. — С. 62.
2. *Поливач, А. Н.* Оценка функциональной работоспособности сердечно-сосудистой системы студентов УО «ГомГМУ» / А. Н. Поливач, А. Н. Василец // Актуальные проблемы физического воспитания, спорта и туризма: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 6–7 окт. 2016 г. / УО МГПУ им. И. П. Шамкина; редкол.: С. М. Блоцкий (отв. ред.) [и др.]. — Мозырь, 2016. — С. 136–138.

УДК 811.161.1:376.054.62

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Портнова-Шаховская А. В.

Учреждение образования

«Гомельский государственный медицинский университет»

г. Гомель, Республика Беларусь

Введение

Восточное Полесье, основную часть территории которого занимает Гомельская область, — уникальный регион со своей историей, этническими, культурными и языковыми особенностями, сыгравший существенную роль в формировании славянского этноса. Гомель является крупным промышленным, научным и культурным центром Республики Беларусь, расположенным в непосредственной близости от границ с Россией и Украиной. Следовательно, своеобразие процесса преподавания русского языка для иностранных граждан и лингвистических исследований ученых в вузах этого региона обусловлено положением Гомельщины на стыке трех восточнославянских этносов.

Цель

Выявление специфических черт процесса преподавания русского языка для иностранных граждан и лингвистических исследований ученых в вузах Гомельщины.

Материал и методы исследования

Языковой материал был исследован сравнительно-историческим методом.

Результаты исследования и их обсуждение

Актуальным является вопрос о приоритетном статусе изучаемого, т. е. русского, языка. Разрешение данной проблемы неразрывно связано с историей социума и спецификой его от-

ношения к сложившейся языковой ситуации, с особенностями языковой политики государства. Языковая ситуация современной Беларуси достаточно парадоксальна: по данным социологических опросов, в повседневной жизни пользуется белорусским языком менее 10 % населения республики, однако считает его родным около 80 % [4]. Беларусь являет собой пример государства со сбалансированной языковой политикой, предоставляющей право самоопределения носителям как русского, так и белорусского языка: оба языка имеют статус государственного; на изучение курсов русского и белорусского языков в средней школе отводится равное количество часов; абитуриенты имеют право выбора при сдаче вступительного экзамена по одному из указанных выше восточнославянских языков; филологические факультеты вузов готовят специалистов смежной специальности «Филолог. Преподаватель русского и белорусского языков и литератур»; соискатели ученых степеней кандидата и доктора филологических наук имеют возможность защищать диссертации по двум специальностям (русский язык, белорусский язык) одновременно. Некоторые из указанных выше специалистов становятся преподавателями дисциплины «Русский язык как иностранный».

В условиях близкородственного двуязычия неизбежно взаимодействие и взаимовлияние двух языковых систем. Нежелательным результатом этого процесса является межъязыковая интерференция — использование билингвом элемента одного языка в речи на другом языке, приводящее к нарушению языковой нормы. Следовательно, в лингвистических исследованиях пограничных вузов ключевым становится понятие языкового контакта, т. е. ведущими являются принципы контактной лингвистики, основы которой были заложены У. Вайнрайхом и Э. Хаугеном. Если перед учителем средней школы стоит задача свести к минимуму последствия интерференции в речевой практике учащихся, то для преподавателя вуза (и не только филолога!) этот аспект особенно значим в процессе профессионального самосовершенствования. Знание особенностей сопутствующих, белорусского и, возможно, украинского языков, поможет преподавателю дисциплины «Русский язык как иностранный» смоделировать процесс обучения в соответствии с принципами сравнительно-сопоставительной лингвистики: сконцентрировать внимание иностранных студентов на изучении сходных и различных языковых явлений, сведя к минимуму использование языка-посредника (чаще английского), поскольку его знание и преподавателем, и студентами (для них он не всегда родной) зачастую является далеко не совершенным.

В качестве примера мы попытаемся рассмотреть особенности «понятийного» гнезда «время», проанализировать семантику входящих в него языковых единиц как совокупность их лексических значений, этимологических структур и смысловых связей с другими лексемами в истории развития восточнославянских языков. Изучая тот или иной язык, мы вводим понятие парадигмы, словообразовательной, морфологической, синтаксической. Но, пожалуй, самой любопытной является жизнь понятийной (ассоциативной) парадигмы, или гнезда. Ведь степень владения языковой системой определяется именно умением видеть слова в кругу «смысловых родственников», которые и создают лингвистическое богатство и разнообразие. Под «понятийным» гнездом мы понимаем иерархически организованную систему лексических единиц, обозначающих одно определенное понятие, но, в отличие от членов этимологического гнезда, не всегда родственных с точки зрения диахронического словообразования. В отличие от синонимического ряда, который обладает схожими характеристиками, «понятийное» гнездо объединяет слова, принадлежащие к различным частям речи. Объект нашего внимания не является случайным, поскольку указанное ключевое понятие, наряду с понятием «пространство; порядок», составляет основу всей философской концепции бытия. Как лексические средства выражения понятия «время» в древнерусском языке функционировали праславянские (корни восходят к праиндоевропейскому языку) абстремы (*примеч.* слова с абстрактным, отвлеченным, значением) *годъ*, *година*, *верема* — *время*, *часъ*, *вьрста* и *м(ѣ)сто*, употребление которых свидетельствует о дифференцированном восприятии времени носителями языка: укр. *вѣреме* «погода», *гóді* «хватит, кончено», *час* «время, погода», бел. *верема*, *час* «время», др.-русс. *верема*, *годъ* «время, срок», *часъ*, ст.-слав. *вр(ѣ)мя*, *годъ*, *часъ*, болг. *вре́ме*, *кой-годе* «кто бы ни», *час* «час», сербохорв. *вријеме*, *гòда* (*Р. п.*) «праздник», *ча́с*

«мгновение», словен. *vréme*, *gôd* «пора, спелость, праздник, годовщина», *čàsa* «время» (Р. п.), чеш. *hod* «время, праздник», *čas*, словц. *čas*, польск. *gody* «празднество» (мн. ч.), *czas*, в.-луж. *hody* «рождество» (мн. ч.), *čas*, н.-луж. *gôdy* «рождество», *cas* (Фасмер). Так, лексема *часъ* обозначала точечное восприятие времени («короткое время, момент»), слово *година* служило для выражения значения «определённый час, срок, пора» (подобно *вьрста* и *м(ѣ)сто*), а *годъ* — «определенное время, круг времени» («*часъ* меньше *години*») [1]. По всей видимости, древние славяне, в отличие от современных носителей языка, воспринимали понятие «короткое время» как нечто целостное (сравн. др.-русск. *неразлучимо* «кратчайший момент времени, момент»): значение «короткий промежуток времени» (все, что меньше *години*) выражалось при помощи одной лексемы — *часъ*. Поэтому как понятия «минута», «секунда», так и способы их лексического воплощения были заимствованы уже в период самостоятельного развития восточнославянских языков (не ранее XVIII в.): соврем. бел. *хвіліна* «минута» образовано при помощи суффикса *-иц-*а по типу праслав. *година* от слова *хвиля* (*филя*) «кароткі час, імгненне», являвшегося в старобелорусском полонизмом; лексемы *минута*, *секунда* появились в русском языке нового времени как заимствования из латинского (вероятнее всего, в белорусский язык абстрема *секунда*, которая не рассматривается лингвистами как собственно белорусское заимствование, попала через русское посредничество).

Среди древнерусских абстрем, обозначающих понятие «время», особый интерес представляют лексемы *время* — *веремя* (< *vermen < *vertmen). До XVII в. абстрема *веремя* функционировала и даже являлась базой для образования новых слов в старорусском и старобелорусском языках (ст.-русск., ст.-бел. *неверемя* «неблагоприятное, тяжелое время» / «ліхалецце, часы нягоды»). Однако параллельно с этими дериватами существовали абстреми, которые и закрепились в современных языках: ст.-русск. *время* → *невремя*, ст.-бел. *часъ* → *невчасъ* / *невчас(т)ность* «нягода, бяда, няшчасце, трывога, хваляванне, турботы». Таким образом, первоначально семантически тождественные лексемы *время* (ныне употребляется лишь в русском языке) и *годъ* (исходное — пространственное — значение корня **-god-* свидетельствует о единстве пространственно-временной характеристики бытия) обозначали понятие времени вообще. Возможным исходным пунктом для формирования понятия «время» является конкретное значение «зарубка», которое в своей функции фиксации определенных дискретных моментов привела к абстрактному понятию [2]. Функционируя в современных русском и белорусском языках, абстрема *год* значительно сузила свой семантический объем, ограничившись обозначением понятия «отрезок времени длительностью в 12 месяцев». Суффиксальное производное *година* в своем древнем значении сохранилось в западнославянских языках и под их влиянием активно используется в современных белорусском и украинском языках для обозначения семы «адрэзак часу ў 60 хвілін; прамежак часу той ці іншай працягласці» (в современном русском языке это слово является устаревшим и имеет стилистические ограничения в употреблении). Указанное выше значение реализуется в современном русском языке через лексему *час*, которая в белорусском языке (не без западнославянского влияния) расширила свою семантику: служит для обозначения понятия «время вообще».

Выводы

Материалы данных теоретических исследований могут быть использованы при организации процесса преподавания русского языка как иностранного на старших курсах, а также служить моделью при консультировании студентов, стремящихся проводить самостоятельные лингвистические исследования. Данные социологических опросов дают положительный ответ на вопрос, сохранилось ли в менталитете славянских народов представление об их этническом единстве. Кризисный, «дезинтегрированный», менталитет, порождая многочисленные формы асоциального поведения, может обусловить саморазрушение социальной общности, что мы сейчас можем наблюдать на примере Украины. «Интегрированный» менталитет восточных славян в условиях современных социальных изменений выполняет инерционно-охранную функцию, способствуя сохранению самобытного социокультурного опыта и, в то же время, не препятствуя заимствованию образцов, которые обогащают ценностно-нормативное содержание сосуществования народов. Критерием эффективности методики

обучения языку является уровень интеллектуально-речевого развития учащихся, и условия близкородственного билингвизма порождают в работе преподавателя-филолога ряд проблем как теоретико-социологического, так и методического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брицын, М. А. Из истории восточнославянской лексики / М. А. Брицын. — Киев: Наукова думка, 1965. — 160 с.
2. Булахов, М. Г. Славянские языки: происхождение, история, современное состояние / М. Г. Булахов. — Минск: БГПУ им. М. Танка, 2001. — 225 с.
3. Гурскі, М. І. Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў / М. І. Гурскі. — Мінск: Выш. шк., 1972. — 262 с.
4. Траханкина, Т. А. Языковая ситуация в современном белорусском городе / Т. А. Траханкина // Славянский мир на пороге третьего тысячелетия: матер. Междунар. науч. конф., Гомель, 15–16 мая 2011 г. — Гомель, 2011. — С. 258–260.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1986.

УДК 616-01/09

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БАКТЕРИИ *HELICOBACTER PYLORI* СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕГИОНА ПРИ ОТСУТСТВИИ СИМПТОМОВ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНОГО ТРАКТА

Походня Ю. Г., Кузьменко А. Т., Юдчиц Н. Н.,
Чеховский П. В., Агабалаев А. А., Беляев С. А.

Учреждение здравоохранения
«Национальная антидопинговая лаборатория»
аг. Лесной, Республика Беларусь

Введение

Helicobacter pylori — граммотрицательная микроаэрофильная бактерия изогнутой или спиралевидной формы с множеством жгутиков. Обнаруживается в глубине желудочных ямок и на поверхности эпителиальных клеток, в основном под защитным слоем слизи, выстилающим слизистую оболочку желудка. При действии неблагоприятных факторов образуются кокковые формы бактерии.

Бактерия *Helicobacter pylori* является доказанным фактором поражения слизистой оболочки желудка и 12-перстной кишки, приводящей к ряду заболеваний, таких как хронический гастрит, дуоденит, язвенная болезнь желудка и 12-перстной кишки, MALT-лимфома, аденокарцинома желудка [1].

В то же время, наличие *Helicobacter pylori* может протекать бессимптомно, в этом случае пациент, как правило, обращается за медицинской помощью при возникновении жалоб, вызванных уже серьезными поражениями слизистой оболочки желудка и 12-перстной кишки. При этом эрадикация бактерии не приводит к исчезновению жалоб, так как восстановление слизистой оболочки требует в данном случае длительной терапии. Своевременное обнаружение наличия бактерии *Helicobacter pylori* на начальных стадиях заболеваний или даже при отсутствии симптомов заболеваний дает возможность проводить эрадикацию бактерии с последующей терапией, существенно сокращенной по времени.

Существуют статистические данные по распространению бактерии *Helicobacter pylori* среди населения [2], из которых следует, что в среднем по 73 странам 6 континентов носителями бактерии *Helicobacter pylori* являются 44,3 % населения. При этом в развивающихся странах этот показатель доходит до 50,8 % (для сравнения, в развитых — 34,7 %). Среди мужчин и женщин бактерия *Helicobacter pylori* распространена относительно одинаково — 46,3 и 42,7 % соответственно. Среди взрослого населения от 18 лет и старше распространенность *Helicobacter pylori* существенно выше (48,6 %) по сравнению с более молодыми людьми (32,6 %). При этом в течение периода 2000–2016 гг. статистически значимого уменьшения распространения *Helicobacter pylori* не наблюдалось.

Данные же по распространению бактерии *Helicobacter pylori* среди населения Беларуси в литературе не описаны. Отдельный интерес представляет информация по распространению бактерии *Helicobacter pylori* при отсутствии симптомов заболеваний желудочно-кишечного тракта.